

Цзян Сюйхань ничего не слышал.

Только когда громкий голос Фан Тань ворвался в комнату и позвал его трижды, он наконец очнулся. Но губы Фу Вэйяна, которые двигались, когда он говорил, казалось, всё ещё были запечатлены в его сознании, вызывая у него покраснение лица и дрожь в руках.

— Ты выглядел так, будто тебя околдовал какой-то дух.

Фан Тань наклонился к нему, приняв такую же позу, как и Фу Вэйян, и смотрел на него.

Цзян Сюйхань тут же швырнул в него ногой, строго посмотрев:

— Следи за дистанцией. И не шути с больным. Я сейчас эмоционально уязвим.

— Ты больной? Да ты сейчас можешь взобраться на дерево быстрее обезьяны.

Фу Вэйян ушёл надолго, и Цзян Сюйханю стало скучно. Он сидел, как засохший камень, ожидая своего мужа, и каждые несколько минут бросал взгляд на дверь, прислушиваясь к шагам и мечтая подбежать и заглянуть в щель.

Где же обещанная забота? Неужели это было просто пустыми словами?

Цзян Сюйхань теперь понял, каково это — врать. Те парни не смогли бы его ранить, но по какой-то странной причине он не хотел говорить Фу Вэйяну правду. Однако Фу Вэйян задерживался, и Цзян Сюйхань уже вытянул шею от ожидания, не смея встать и прогуляться.

Неужели этот «дух» понял, что он притворяется?

Вряд ли, он считал, что его актёрские способности достойны уважения.

Фу Вэйян несколько часов бегал за преподавателем. Старина Цай и его друзья настаивали на медицинском осмотре, утверждая, что обязательно привлекут Цзян Сюйханя к ответственности. Фу Вэйян загнал их в лечебный кабинет и с улыбкой сказал:

— Тогда я тоже привлеку вас к ответственности за клевету. Увидимся в суде?

У него были свидетели и доказательства, к тому же Фу Вэйян изучал право, поэтому старина Цай и его друзья сразу замолчали, как подмороженные. Фу Вэйян оплатил их лечение и в присутствии преподавателя и директора отстоял позицию, что Цзян Сюйхань защищал товарища. В итоге наказание получили только старина Цай и его друзья.

Закончив с этим, он зашёл в ближайший ресторан и заказал еду, которую принёс с собой, когда уже смеркалось.

Фу Вэйян не был тем, кто любит вмешиваться в чужие дела, но Цзян Сюйхань подрался из-за него, поэтому он не мог оставить это без внимания. Когда он вошёл в комнату, внутри было темно. Фу Вэйян включил свет и сразу заметил Цзян Сюйханя, лежащего на кровати и смотрящего на него своими жалобными глазами.

На его лице явно было написано: «Обидно».

— Ты просто лежал здесь несколько часов?

Фу Вэйян поставил коробки с едой на стол и посмотрел на него.

— Ну, сначала я сидел.

Цзян Сюйхань с трудом поднялся и снова сел, продолжая слабым голосом:

— Потом я так проголодался... что не смог больше сидеть.

Он ушёл играть в баскетбол уже голодным, а после драки и притворства, что ранен, голод только усилился. Он надеялся, что кто-то покормит его, но тот человек исчез.

Фу Вэйян, услышав его ответ, почувствовал странное сочетание вины, сочувствия и смеха. В общем, его переполняли противоречивые чувства, и он с лёгкой усмешкой сказал:

— Ты мог заказать еду, если был голоден.

— Но я же должен был притворяться... — он кашлянул. — Что я ранен в ногу.

Цзян Сюйхань закатил глаза и добавил:

— Хотя внешне моя нога в порядке, это внутренняя травма, очень болезненная.

— Ты... победил.

Фу Вэйян не стал разоблачать этого маленького обманщика, открыл коробки с едой и сказал:

— Раз ты ранен, ешь что-то лёгкое. Я не купил много мяса, это нормально?

— Нормально, нормально.

Цзян Сюйхань смотрел на него с ожиданием, пока Фу Вэйян не подошёл, чтобы помочь ему сесть за стол. Фу Вэйян налил суп в миску, подул на ложку и поднёс её к его губам. Цзян Сюйхань с радостью открыл рот.

Он не мог описать свои ощущения. Цзян Сюйхань чувствовал, будто парил в воздухе, особенно когда думал о том, что Фу Вэйян будет кормить его супом.

Цзян Сюйхань уже готов был прикоснуться к ложке, как Фу Вэйян вдруг убрал руку.

— Сначала съешь немного риса, а потом суп. Я забыл, что ты давно не ел.

— Хорошо.

Цзян Сюйхань смотрел на ложку с разочарованием.

Фу Вэйян, как человек с острым умом, сразу понял, что Цзян Сюйхань хочет, чтобы его кормили. Поэтому он проглотил фразу «Ты ранен в ногу, а не в руку» и не сказал её.

Фу Вэйян взял палочками шарик и поднёс его к Цзян Сюйханю. На этот раз тот не стал медлить, боясь, что Фу Вэйян снова уберёт палочки, и сразу же съел его.

Счастье — оказывается, быть больным так приятно.

Цзян Сюйхань однажды видел, как его отец, чтобы привлечь внимание матери, умудрился порезать палец во время готовки и заставил Чжо Фэйя кормить его целый месяц. В то время Цзян Сюйхань не понимал его поведения и даже тайно осуждал.

Цзян Юйцзэ позже хвастался ему:

— Твоя мама кормила только меня одного, даже тебя кормила няня.

Цзян Сюйхань облизнул губы и вдруг спросил Фу Вэйяна:

— Ты когда-нибудь кормил кого-то ещё?

— Вроде да.

Цзян Сюйхань широко раскрыл глаза.

— Кого... кого ты кормил?

Фу Вэйян, подумав, ответил:

— Мою собаку.

— Я имею в виду людей, мужчин.

Цзян Сюйхань постучал по столу.

— Женщин тоже, но собак не считай.

Фу Вэйян слегка улыбнулся.

— Тогда нет.

Он удивился, почему Цзян Сюйханя это волнует, как вдруг в комнату ворвались Фан Тань и Бай Мэнлэй, весь в поту, и начали болтать.

— Меня просто взяли в рабство куратора, чёрт возьми. Теперь я внёс свой вклад в озеленение нашего Университета Цин.

Фан Тань сказал это и принялся.

— О, как вкусно пахнет! Как насчёт шариков из говядины, дай попробовать.

Он беззаботно подошёл к Фу Вэйяну, наклонился и открыл рот.

— Старший, брось мне один в рот, я ещё не помыл руки, не буду брать палочки.

— Хорошо.

Фу Вэйян взял другие палочки и собирался бросить шарик Фан Тань в рот.

Если бы взгляд мог убивать, Фан Тань уже был бы разорван на куски, и от него не осталось бы даже костей. Цзян Сюйхань больше не мог сидеть спокойно. Увидев, что шарик вот-вот окажется во рту Фан Тань, он гневно закричал:

— Не двигайся!

Фан Тань, широко открыв рот, посмотрел на него с вопросительным взглядом.

Фу Вэйян, кажется, понял, что в гневном взгляде Цзян Сюйханя скрывалась доля ревности. Он

устало зевнул, прищурился и не двигал палочками, словно уже привык к странным поступкам Цзян Сюйханя.

Фан Таньшэ подождал немного, но, не услышав продолжения, снова открыл рот и попытался приблизиться к шарикю. Тогда он получил ледяной взгляд Цзян Сюйханя, который как бы говорил: «Попробуй съесть его?»

Фан Таньшэ молча закрыл рот, который уже начал затекать, и закатил глаза.

— Пойду помы руки, кушай на здоровье, господин Цзян!

— Он сказал, что не хочет есть.

Цзян Сюйхань с удовлетворением повернулся к Фу Вэйяну и съел долгожданный шарик.

Перед тем как войти в ванную, Фан Таньшэ украдкой взглянул на них и тихо сказал Бай Мэнлэю:

— Старший, ты не заметил, что Цзян Сюйхань в последнее время ведёт себя странно?

— А? Разве?

Бай Мэнлэй брызгал водой на лицо и на ходу ответил.

— Да!

Фан Таньшэ раздражённо посмотрел на Бай Мэнлэя, который вёл себя как грубый мужик и совсем не заботился о здоровье своих соседей.

— Я всегда думал, что Цзян Сюйхань нравится наш третий. Ты разве не видишь? Только что, когда я попросил его покормить меня шариком, он так разозлился.

— Цзян Сюйхань вырос в любви, у него немного барские замашки, не придавай этому значения.

— Думаю, ты просто не замечаешь.

Фу Вэйян на самом деле не очень хорошо умел заботиться о других. Ужин прошёл в суматохе: он трижды обжёг уголок рта Цзян Сюйханя и пролил суп на его одежду.

Он потер усталые глаза, встал и вытер всё салфеткой, лениво сказав:

— Извини. Давай так: сначала прими душ, а потом я постираю твою одежду.

Цзян Сюйхань, конечно, не придавал этому значения. Он ведь притворялся и видел, что Фу Вэйян устал. Но, услышав слова «душ» и «постирать», его глаза сразу загорелись.

Неужели этот «дух» сделал это намеренно?

Цзян Сюйхань: Второй, я предлагаю тебе пожертвовать свой рот.

Фан Таньшэ: Жадный мужик, я всего лишь попросил у твоей жены один шарик!